

ПРОЛОГ

Иногда такое бывает: послышится забытая мелодия, и вспомнится какой-нибудь факт из собственной жизни, не всегда, кстати, приятный. Или увидишь человека, похожего на знакомого, а потом встретишь его самого.

На этот раз все так и вышло. Еще утром, на улице, Дайнека встретила женщину, похожую на Ширшову. У нее были такие же рыжие, прямые, как палки, волосы, которые при ходьбе тяжело хлопали по спине. И походка была точь-в-точь как у Ширшовой — вначале шли ноги, и только потом подспевало все остальное. За эту походку одноклассники прозвали Ширшову — Светкой Гипотенузой.

Когда женщина обернулась, Дайнека поняла, что сходство не такое уж явное, однако у нее возникло странное чувство, точнее — предчувствие.

С Ширшовой Дайнека познакомилась в седьмом классе, когда перешла учиться в новую школу (они с отцом перебрались из Красноярск в Москву). И это она, Ширшова, тогда спросила:

— Как там на Колыме?

Вопрос запомнился потому, что московская школьница знала о своей родине не больше сверстницы из Нью-Йорка. Дайнека быстро сообразила: бессмысленно объяснять, что Красноярск — это вовсе не Колыма. Ширшова гордилась тем, что живет в Москве, а Дайнека

гордилась тем, что она сибирячка. Но с той поры стала гордиться молча.

Привыкание к новой школе осложнялось необходимостью касаться болезненной темы. Отвечая на вопросы о семье и стараясь выглядеть как можно правдивее, Дайнека коротко излагала легенду о недавнем разводе родителей. Но врать с каждым разом становилось все легче. Труднее было примириться с колкостями сверстниц по поводу ее сибирского диалекта.

— Ты только послушай, — говорила Ширшова, — как она «окает» и «чёкает»!

— А чего ты хотела? — отвечала их одноклассница. — Сама знаешь, из какой дыры она прикатила...

Так, благодаря Светке Гипотенузе к Дайнеке намертво прилипла репутация замшелой провинциалки.

В те времена Дайнека переживала куда большее горе, и дело было не в банальном разводе родителей, а в том, что мама просто исчезла: ушла, не простившись и ничего не сказав. Еще тогда, в Красноярске, отец объяснил, что мама полюбила другого человека.

Говорят, с детьми не разводятся, но их семья, по-видимому, была исключением. Дайнека долго не могла смириться с тем, что эта беда случилась именно с ними, ведь они так нуждались друг в друге. Она бродила по опустевшей квартире, открывала родительский шкаф, в котором висели одни только папины вещи, заглядывала под кровать, где уже не было маминых тапочек, и ей никак не удавалось найти что-то, принадлежавшее маме, и только ей.

Их переезд в Москву был осмысленным бегством. Они с отцом бежали от одиночества и от прошлого, которое навсегда осталось в Красноярске. Спустя много

лет Дайнека осознала, что это было единственно верное решение, которое устроило всех. В одном городе с мамой, пусть даже таком большом, как Красноярск, трудно было удержаться от того, чтобы не бегать к ее новому дому. В чужом дворе под мамиными окнами Дайнека прожила целую жизнь, страдая от ревности и одиночества, но никогда не переступила порога ее новой квартиры. Много раз она тайком наблюдала за тем, как мать проходила мимо. Но чаще видела ее в окне, и было нестерпимо больно мириться с тем, что маме так хорошо в чужих стенах с чужим человеком.

Однажды в этом дворе Дайнека столкнулась с отцом, который стоял за деревом и глядел в те же окна. Заметив дочь, он растерялся, затем крепко прижал ее к себе и прошептал:

— Милая моя, мы уедем отсюда. Мы уедем...

Потом была Москва, новая квартира, новая школа и столичная девочка с ехидным вопросом:

— Как там на Колыме?

ГЛАВА 1

СВЕТКА ГИПОТЕНУЗА

Дайнека спустилась на подземную парковку торгового центра, где стояла ее машина, вышла из лифта и увидела высокую девушку с необычной походкой: она шагала вдоль автомобильного ряда, сильно отклонившись назад. Едва взглянув на нее, Дайнека сразу же узнала Светку Гипотенузу и крикнула:

— Света!

Та напряглась, но продолжала идти.

— Света! Ширшова! — еще громче прокричала Дайнека. Девушка замедлила шаг и нехотя обернулась:

— Вы меня?

— Не узнаешь?

— Не-е-ет... Простите, не узнаю.

— Как там на Колыме?

— При чем здесь Колыма? — Девушка остановилась и, словно не доверяя себе, уточнила: — Людка?

— Я, — улыбнулась Дайнека.

— Сколько лет, сколько зим. — Ширшова поправила очки с темными стеклами.

— Давненько не виделись, — проронив сакраментальную фразу, Дайнека вдруг поняла, что им больше не о чем говорить. Однако делать было нечего — она сама завела эту никчемную канитель. Пришлось поинтересоваться: — Как поживаешь?

— Кручусь, верчусь! — Ширшова стащила с руки перчатку и помахала ею в воздухе. — Сама знаешь, богатенький отец — не моя тема.

Дайнека сообразила, что камень прилетел в ее огород, но тем не менее заметила, что платью Ширшовой стоило немалых денег.

— Смотрю, у тебя перчатки. Не жарко? Сегодня на солнце — тридцать.

Гипотенуза сняла вторую перчатку:

— Они кружевные.

— А волосы? — спросила Дайнека. — Давно перекрасилась?

Ширшова осторожно прикоснулась к каштановой пряди:

— Сразу после школы.

Дайнека выдавила из себя бесцветную фразу:

— Так даже лучше. — Гипотенуза не вызывала у нее никаких эмоций: ни плохих, ни хороших.

— Машину свою ищу. — Ширшова показала автомобильный брелок со значком «Мерседеса».

— Не помнишь, куда поставила? — догадалась Дайнека

— Не помню.

— Помочь?

— Нет! Я с подругой, — сказала Светка.

К ним подошла женщина в красном платье и темных солнцезащитных очках.

— Нашла? — спросила она у Ширшовой.

— Пока — нет, — ответила та.

Женщина кивнула Дайнеке и поправила на шее платок известного бренда. У нее на руках тоже были перчатки.

— Чего мы ждем? — Она взглянула на часы. — Время поджимает.

— Тогда до свидания. — Дайнека отступила назад.

Ширшова помахала рукой:

— Надеюсь, еще увидимся!

Они разошлись. Дайнека нашла свою машину и выехала с парковки. Не придав значения словам Светки Гипотенузы, она даже не предполагала, что следующая встреча не за горами.

* * *

Дайнеке не хотелось ехать домой, осталось только придумать, как скоротать время. В восемь вечера отец пообещал привезти с дачи Тишотку. Пес две недели пробыл за городом, и Дайнека всерьез опасалась, что он привяжется к «этим двоим». «Этими двумя» она называла отцовскую жену Настю и ее мать Серафиму Петровну. Дайнека не любила ни ту ни другую. На протяжении нескольких лет они оставались для нее чужими людьми. Тем не менее Тишотка иногда гостил в доме отца: не все же ему сидеть в Москве взаперти.

Поразмыслив, Дайнека решила сама поехать на дачу и до наступления темноты забрать оттуда Тишотку. На дороге, ведущей к Белорусскому вокзалу, она обогнала джип «Кадиллак» и сбавила скорость. Впереди шел белый «Майбах» с золочеными дисками.

— Цыган или горец... — предположила Дайнека.

«Майбах» остановился у светофора. Она тоже собралась тормозить, но между ними вклинился тот самый джип «Кадиллак». Он замер, подставив для удара свой бок. Дайнека резко ушла вправо и едва не столкнулась с кабриолетом, за рулем которого сидела эффектная шатенка в платке и темных очках. Втиснувшись в крайний

ряд, Дайнека остановила испуганный взгляд на откинутом верхе, за которым виднелась голова в шелковом платке от знаменитого кутюрье.

Дайнека сообразила, что джип «Кадиллак» сопровождает белый «Майбах», и в нем сидят охранники. Он хоть и рискованно, но все же занял свое законное место. Благодаря счастливой случайности Дайнека не столкнулась ни с ним, ни с дамским кабриолетом, который теперь стоял у светофора, как раз вровень с «Майбахом».

Со своего места Дайнека видела, как плещется на ветру платок молодой женщины и как симпатично покоится ее локоток на двери шикарной машины. Оказалось, на это обратила внимание не только она. Стекло «Майбаха» съехало вниз, и в окне показалось лицо черноволосого мужчины. Он вытянул руку, желая дотронуться до выставленного напоказ локотка, но тот дернулся и быстро исчез. А на его месте показались две руки в кружевных перчатках, которые держали пистолет.

Мужчина отшатнулся, одновременно с этим прогремело несколько выстрелов. Дайнека безотчетно оглянулась на машину сопровождения. Зажатые с одной стороны «Майбахом», с другой — старой «Газелью», охранники метались в салоне. Тогда она перевела взгляд на кабриолет и заметила, что голова в платке исчезла из виду. В то же мгновение хозяйка кабриолета появилась возле машины Дайнеки. Они встретились взглядами и застыли. Женщина скривила лицо, бросила пистолет и провела ребром ладони по горлу.

К ней тотчас подлетел скутер, она вскочила в сиденье и вцепилась в водителя. Ее красное платье задралось,

оголив загорелые ноги. Скутер встал на дыбы, а потом резко рванул с места. Через мгновение его уже не было видно.

Между тем через выбитое стекло джипа наружу просочились трое охранников. Двое бросились за скутером, третий подбежал к «Майбаху», распахнул заднюю дверцу, и на асфальт вывалилось окровавленное тело.

Дайнека снова посмотрела на джип и, встретившись с недобрый взглядом водителя, схватила за телефон. Дождавшись ответа, сказала в трубку:

— Папа, мне срочно нужна твоя помощь...

— Что случилось?

— Не знаю, что делать. Это какой-то ужас. — Не отдавая себе отчета, Дайнека несла чепуху.

— Четче формулируй! — гаркнул отец.

— При мне убили человека.

— Где ты?

— В машине. Мы все подъехали к перекрестку, и она в него выстрелила.

— Кто?

— Женщина из кабриолета.

— В кого?

— В мужчину, что сидел в «Майбахе».

— Где та, что стреляла?

— Ее подхватил скутер.

— Жди меня! Я приеду!

— Ты даже не знаешь, где я... — проговорила она.

— Где ты находишься?

— На Большой Грузинской.

— Охрана есть?

— Что?... — Дайнека путалась в мыслях.

— У «Майбаха» охрана была?! — крикнул отец.

— Они ехали в джипе, но я их подрезала, и охранники немного отстали.

— Зачем же ты их подрезала?

— Случайно.

— Номера «Майбаха» и кабриолета видны?

— Я их вижу...

— Диктуй!

Дайнека продиктовала.

— Значит, так. — Отец сделал паузу и глубоко вздохнул, чтобы не сорваться на крик. — Сейчас ты возьмешь сумочку... Снимешь регистратор... Вылезешь из машины... И тихо уйдешь.

— Куда? — испуганно спросила Дайнека.

— Во дворы. — Отец говорил так, словно она тяжело-больная, а он стоял у ее постели и уговаривал выпить микстуру. — Там есть какой-нибудь ход во дворы?

— Есть...

— Вот туда и иди. Как только скроешься из виду, беги что есть духу. Потом спускайся в метро. После — лови такси и быстро на дачу. Ты меня слышишь?

— Слышу...

— Значит, так: берешь свою сумочку...

Дайнека обернулась и забрала с заднего сиденья сумку.

Голос отца прозвучал снова.

— Снимаешь регистратор...

Она сняла с панели камеру регистратора.

— А теперь спокойно выходи из машины. — Вдруг он спросил: — С какой стороны охранники?

— Слева.

— Тогда вылезай через правую дверь. Старайся, чтобы тебя никто не заметил.

Дайнека перебралась на соседнее сиденье и приоткрыла дверь:

— Папа...

— Что?

— Один охранник смотрит на меня...

— Где он сейчас?

— В джипе, пока сидит за рулем.

— Тогда не жди... — сказал отец и вдруг закричал: — Беги прямо сейчас!

ГЛАВА 2

БУКВА «М»

Дайнека бежала, не разбирая дороги. Казалось, ее несколько не интересовало, что позади: преследуют или нет. У нее была цель — красная буква «М», и она стремилась к ней изо всех своих сил. Отец приказал спуститься в метро, и Дайнека спустится под землю, чего бы ей это ни стоило.

У нее не было проездного билета, но она безоглядно верила в судьбу, придерживаясь принципа: главное — ввязаться, потом как-нибудь разберемся.

И этот принцип в очередной раз ее не подвел. Забыв в вестибюль, она решительно кинулась к турникету. Впереди нее шагала пожилой джентльмен. Он поднес к датчику социальную карту и двинулся в проходную зону. Повинуясь интуиции, Дайнека уловила ритм и скорость его движения и шаг в шаг преодолела вслед за ним пропускной турникет. Потом без оглядки бросилась вниз по эскалатору, выскочила на перрон, влетела в открытую дверь вагона, и та сомкнулась за ее спиной. Из акустических динамиков донеслось:

— Следующая станция...

Дайнека не разобрала названия станции, она была готова ехать куда угодно. Однако и на этот раз не обошлось без волнений: какой-то мужчина стукнул кулаком по стеклу. Поезд тронулся, а он в бессильной злобе проводил глазами вагон. Дайнека в ужасе отпрянула от двери.

В течение полчаса она несколько раз меняла линии метро, переходя со станции на станцию скорее бездумно, чем по какому-то специально продуманному плану. Оказавшись на подходящей конечной, Дайнека взяла такси и за сумасшедшие деньги отправилась на отцовскую дачу.

Отец ждал на улице. Заметив в его руках сигарету, она испугалась: врачи категорически запретили ему курить.

Дайнека вышла из такси со словами:

— Где ты взял сигарету? — Однако, увидев рядом с отцом Вешкина, быстро сообразила, откуда она взялась.

Сергей Вешкин, начальник службы безопасности «Евросибирского холдинга», где работал отец, сам не курил, но при себе всегда имел сигареты. Невысокий, худенький человек, он всем своим видом опровергал сложившиеся стереотипы. Но если бы конкуренты, недоброжелатели и враги «Евросибирского холдинга» знали Вешкина так, как знал финансовый директор Вячеслав Алексеевич Дайнека, они бы отказались от любых происков и злонамерений по причине их заведомой обреченности. Добрейший, интеллигентнейший и милейший Сережа был необычайно изобретателен, изворотлив и умен. За несколько лет службы он сумел организовать работу своих подопечных так, что и муха бесконтрольно не пролетала.

Дайнека сразу поняла, что Вешкин оказался здесь не случайно.

Рассчитавшись с водителем, Вячеслав Алексеевич заторопился:

— Быстро идемте в дом! — и обнял дочь так, словно хотел защитить ее ото всех бед.

Дайнека на ходу кивнула Сергею, и все зашли во двор, после чего отец накрепко запер калитку. По обсаженной цветами аллее они добрались до веранды, где их уже поджидала Серафима Петровна:

— А вот и Людочка подросла...

Дайнека терпеть не могла, когда ее так называли. На это имел право только отец. Отвернувшись, она вдруг поняла, что ее не встретил Тишотка. От волнения у нее пересохло в горле:

— Где он?

— Кто? — безмятежно поинтересовалась Серафима Петровна.

— Тишотка!

— Божечки мои, — запричитала старуха. — Кто о чем, а она про собаку!

— Где мой Тишотка?! — Дайнека повысила голос, но услышала, как пес скребется в закрытую дверь.

Серафима Петровна распахнула ее. Вырвавшись наружу, Тишотка бросился к Дайнеке и в ту же секунду оказался у нее на руках. Серафима Петровна отвернула лицо и безгласно поморщилась:

— Тьфу! И как только можно...

Дайнека прошла в гостиную, отпустила Тишотку, сама села на диван. Рядом расположился Сергей.

— Давно приехал? — поинтересовалась она.

— Сразу, как только позвонил Вячеслав Алексеевич.

— И чего он так всполошился? — Дайнека покосилась на отца и проговорила исключительно для него: — Кажется, ничего страшного не случилось.

Вячеслав Алексеевич не собирался поддаваться ее заблуждениям.

— Не стоит недооценивать ситуацию, — сказал он, взял плетеный стул и сел напротив дочери.

Сергей Вешкин поддержал его:

— Согласен. Нужно все как следует обсудить.

В комнате появилась Серафима Петровна, хлопком расправила накрахмаленную скатерть и расстелила ее на столе.

Вячеслав Алексеевич резко обернулся и, взглянув на тещу, спросил:

— В чем дело?

— Дела ваши подождут, сначала — за стол! — безапелляционно заявила она.

Вячеслав Алексеевич поднялся, стащил с обеденного стола белую скатерть и, ни слова не говоря, вручил Серафиме Петровне, а саму ее вывел из комнаты и плотно прикрыл дверь.

— Продолжим. — Он снова сел.

Кивнув на Дайнеку, Вешкин предложил:

— Для начала пусть расскажет, как все случилось.

— Тебе еще не звонили? — с тревогой поинтересовался отец.

— Что? Что? — зачастила Дайнека. — О чем это вы?

— Потом все объясню, — пообещал ей Сергей. — Давай лучше рассказывай. Подробно, с самого начала.

— Утром я поехала за шампунем...

— Это к делу не относится, — заметил Вячеслав Алексеевич.

Но Дайнека заявила:

— Если говорю, значит — относится.

— Будь по-твоему, — согласился отец, и она продолжила:

— Купила шампунь, после чего спустилась на подземную парковку торгового центра...

Сергей Вешкин протянул ей блокнот:

— Запиши название центра, адрес и точное время.

Дайнека в замешательстве подняла на него глаза:

— Точного времени я не помню.

— Тогда запиши приблизительное.

Она записала, и Вешкин забрал свой блокнот.

— Что было дальше?

— На парковке я случайно встретила одноклассницу.

— Кто такая?

— Светлана Ширшова.

— Не та ли это язва, что тебя донимала? — Отец сердито прищурился.

— Она была в темных очках, но я сразу ее узнала.

— Ну и что? — Сергею Вешкину не терпелось перейти ближе к делу.

— Она искала свою машину, судя по брелочку — «Мерседес». С ней была подруга, но тогда я не придавала этому никакого значения...

— Людмила... — одернул ее отец.

Не обращая внимания на его замечание, Дайнека продолжила:

— Теперь-то я понимаю, Ширшова и та женщина искали машину лишь потому, что не знали, где точно она стоит.

— Я сам часто ищу, — заметил Сергей.

— На большой парковке — не спорю. — Дайнека многозначительно улыбнулась. — Но там всего

два этажа. Машин — раз, два и обчелся. Я свою сразу нашла.

— Предположим.

— И еще... Они обе были в перчатках...

— А разве это не модно?

— В такую жару? — переспросила Дайнека.

Сергей повторил:

— Ну предположим...

— Да что ты заладил?! — Она сердито округлила глаза. — Дай рассказать! — Потом, чуть успокоившись, продолжила: — Когда я спросила Светку про волосы, она потрогала их так, что я сразу поняла — это парик, но виду не подала. И, кстати, я предложила ей помощь...

— Какую, если не секрет? — поинтересовался отец.

— Найти машину.

— И что же она?

— Кажется, испугалась.

Сергею Вешкину не терпелось:

— Дальше рассказывай.

— Мы попрощались, и я уехала. Минут через тридцать...

— В половине первого? — Он записал время в блокнот.

— Где-то так... В общем, я уже ехала на своей машине по Большой Грузинской.

— В сторону дома?

— Да, но не домой. Словом, не знаю, как получилось, я подрезала черный джип «Кадилак» и поехала за белым «Майбахом». Смотрю, а у него — золотистые диски...

Вячеслав Алексеевич не выдержал напряжения:

— Только не это!

— Мы все подъехали к перекрестку...

— С какой улицей? — Сергей приготовил блокнот, чтобы записать. — Перекресток Большой Грузинской с какой улицей?..

— Думаешь, я запомнила? У меня до сих пор весь этот ужас стоит перед глазами!

— А нам, между прочим, еще забирать оттуда твою машину. Впрочем, это не важно... На Большую Грузинскую уже поехали двое моих ребят. Думаю, мимо не проскочат.

— Сергей... — простила Дайнека. — Дай рассказать!

— Прошу меня извинить.

— Подъехали мы к перекрестку. Впереди едет «Майбах», за ним — я, а тут, — она показала рукой, — джип «Кадиллак» — возьми и втиснись между нами.

— Машина сопровождения? — сообразил Вешкин. — Зачем ты его подрезала?

— Само по себе вышло. Откуда я знала, что в нем едет охрана?

Чтобы разобраться, Сергей уточнил:

— Выходит, когда «Майбах» остановился на перекрестке, джип «Кадиллак» занял свое место позади него?

— Вот именно! Он обогнал меня и буквально встал поперек дороги. Я резко свернула и чуть не столкнулась с кабриолетом, который шел в крайнем правом ряду.

— Час от часу не легче! — Вячеслав Алексеевич вытащил из кармана платок и вытер вспотевшую шею.

— В кабриолете ехала женщина...

— Ты свернула. И... что дальше?

— Встала в правом крайнем ряду за кабриолетом. А он стоял вровень с «Майбахом». Тот, что сидел в «Майбахе», открыл окно и стал заигрывать с женщиной. Она ехала с опущенным верхом.

— В такую жару это неудивительно.

— Но, как только мужик из «Майбаха» стал с ней заигрывать, она достала пистолет и несколько раз выстрелила в него.

— Боже мой! — Вячеслав Алексеевич схватился за сердце.

— Ты все это видела? — спросил Вешкин.

— Своими глазами.

— Я имел в виду — хорошо разглядела?

— Так же, как сейчас вижу тебя.

Сергей опустил голову.

— Это — плохо. — Он с грустью посмотрел на Дайнеку. — Что было потом?

— Женщина бросила машину, и, когда поравнялась со мной, мы встретились взглядами...

— Теперь она знает, что ты сможешь ее опознать.

— Возможно. Поэтому она показала мне так. — Дайнека полоснула по шее ребром ладони. — Я сразу поняла, что она имела в виду.

— Что? — забеспокоился Вячеслав Алексеевич.

— Молчи, мол, а не то...

— А не то что? — спросил Сергей.

— Она могла выстрелить в Людмилу, — глухо проговорил отец и повернулся к Вешкину. — Тебе еще не звонили?

Тот взглянул на свой телефон:

— Нет, будем ждать.

— Когда же, наконец?!

— Терпение, Вячеслав Алексеевич, терпение.

— Тебе легко говорить. А если бы с твоей дочерью случилось что-то подобное?

— Слава богу, моя дочь слишком мала.

— То-то и оно...

— О каком звонке идет речь? — поинтересовалась Дайнека.

На этот раз Вячеслав Алексеевич все объяснил:

— Сергею должны сообщить, кому принадлежит этот «Майбах». Когда мы узнаем, кого расстреляли, поймем, чем это грозит. В новостях пока ничего не было, и это меня тревожит больше всего.

— Подождите! — Сергей Вешкин протестующе поднял руку. — Мне непонятно...

— Что именно? — спросила Дайнека.

— Женщина из кабриолета пригрозила тебе... Зачем?

Отец с крайним раздражением уточнил:

— Что — зачем?

— Она могла просто выстрелить — и дело с концом. Как говорится, нет человека — нет проблем.

— Типун тебе на язык! — взорвался Вячеслав Алексеевич. — Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Я говорю дело.

— Это не ты. Это в тебе чекистское прошлое говорит.

— Послушайте, — вмешалась Дайнека. — Я не сказала самого главного.

— Что еще? — насторожился отец.

— Дело в том, что я узнала убийцу...

— Кого? — Вешкин в буквальном смысле остолебенел.

— Эту женщину.

Он недоверчиво повел головой:

— Неужели одноклассница?..

— Нет.

— Тогда зачем ты рассказала про встречу на подземной парковке?

— Затем, что убийца — подруга Ширшовой, та самая женщина, которая была вместе с ней на парковке. Сна-

чала я узнала ее красное платье, а потом и ее саму. И вот вам еще одно доказательство: кабриолет «Мерседес». Я видела у Светки этот брелок.

— Так я и думал! — Вячеслав Алексеевич трагически воздел руки к небу. — Они запишут тебя в сообщники.

— Мы должны обо всем сообщить в полицию, — убежденно заключила Дайнека.

Сергей Вешкин задумчиво проронил:

— Поосторожнее на поворотах... Все не так просто, как могло показаться на первый взгляд.

— А что тут такого? Я видела, как убили человека. Я — свидетель. Закон на моей стороне.

— С полицией подождем. Сейчас расскажи, куда скрылась убийца.

— К ней подлетел скутер. Она села и — вжик! Уехала.

— Скутер был рядом?

— Не знаю.

— Спереди подъехал, сзади или откуда-то сбоку?

— Сзади.

— Теперь, по крайней мере, ясно, куда они поехали.

— Зачем это тебе? — спросил Вячеслав Алексеевич.

— Для общего развития, — сыронизировал Сергей и задал новый вопрос: — Где в тот момент были охранники из автомобиля сопровождения?

— Оставались в джипе.

— Не может быть!

— Я же сказала, что «Кадиллак» буквально вклинился между машинами и встал поперек.

— И, как я понимаю, впереди него стоял «Майбах»?

— Да. А с другой стороны его приперла «Газель».

— Что значит — приперла?

— Лично мне показалось, что водитель сделал это нарочно. Чтобы выбраться из салона, охранники разбили стекло.

— Возможно, в «Газели» находился сообщник убийцы, — предположил Вячеслав Алексеевич. — Впрочем, нас это ничуть не касается.

Но Сергей Вешкин возразил:

— Теперь нас касается все. — Он кивнул на Дайнеку. — Ее действительно могут принять за сообщницу. Незадолго до этого она подрезала машину с охраной.

Дайнека улыбнулась:

— Но я-то здесь ни при чем!

— Жалко, что они об этом не знают.

— Они — это кто? — насторожился отец.

— Будто не понимаете... — Сергей Вешкин вздохнул. — Должен признаться, ситуация незавидная. Прилететь может с обеих сторон.

— Объясни.

— Думаю, охранники ее разглядели. — Сергей коротко взглянул на Дайнеку и безнадежно махнул рукой. — Конечно же разглядели. Сначала подрезала, потом болталась рядом с убийцей.

— Я не болталась. — Дайнека обиженно отвернулась.

— Ну вот только не надо!

Но она вдруг передумала обижаться:

— Охранник за рулем и вправду смотрел на меня с подозрением.

Вешкин недовольно поморщился:

— Еще бы! — Он стал загибать пальцы: — Отсекла машину сопровождения — раз. У перекрестка помешала припарковаться за «Майбахом» — два. Вступила в визуальный контакт с убийцей — три.

— В контакт не вступала! — горячо возразила Дайнека.

— Как — нет? — осведомился Сергей. — Она смотрела на тебя, перед тем как уехать?

— Смотрела.

— А ты на нее?

— И я.

— Она подала тебе знак?

— Об этом я ее не просила! — заявила Дайнека.

— Со мной не собачься! Делу не поможет. Охранник — не дурак. Бьюсь об заклад, что он уже доложил начальнику службы безопасности, и они все сейчас стоят на ушах.

— Сережа. — Отец заговорил сдержанным тоном, но было видно, что еще немного, и он сорвется на крик. — Мы здесь не для того, чтобы упрекать мою дочь. Как вышло, так вышло... Наше дело найти выход из сложившейся ситуации.

— Простите, Вячеслав Алексеевич. — Сергей Вешкин потупился, затем бросил взгляд на свой телефон. — Да что же они, в самом деле!

— Может быть, сам позвонишь?

Вешкин помотал головой:

— Дела не ускорит, но отношения могут испортиться.

— Тогда ждем, — согласился отец.

— Ждем. — Вешкин обернулся к Дайнеке. — Регистратор с машины сняла?

Она утвердительно кивнула:

— Он в сумке.

— Сумка где? — обеспокоенно поинтересовался отец.

— На веранде. Ты же видел, я бросила ее там, когда подбежал Тишотка.

— Принеси ее сюда.

Дайнека поднялась с дивана и направилась к двери. Тишотка, цокая коготками, засеменил следом за хозяйкой.

Вячеслав Алексеевич тоже встал и прошелся по комнате. Остановившись возле Сергея, спросил:

— Ты сказал, что нам может прилететь с обеих сторон. Первая — служба охраны убитого из «Майбаха». Кто вторая?

— Да вы же и сами наверняка понимаете.

— Может, и понимаю, но я теперь ни в чем не уверен.

— Тогда представьте... — Вешкин поднялся на ноги и сунул руки в карман, пытаясь сосредоточиться. — Представьте, что вы — убийца.

— Думай, что говоришь!

— Мы рассуждаем абстрактно. Повторяю: вы убили человека, и некто видел, как вы это сделали...

— Не считай меня дураком! — Вячеслав Алексеевич стал нервно ходить по комнате. — Знаю, к чему клонишь: моя дочь — ненужный свидетель...

— Ну вот видите. Думаю, что Людмилу уже ищут организаторы убийства. Все усугубляется тем, что одноклассница Светлана Ширшова знает ее имя.

— Однажды Ширшова побывала в нашей квартире.

— Вот видите.

— Что будем делать, Сережа?

— Вашу дочь нужно спрятать. Хотя бы на время.

— Где? — Вячеслав Алексеевич решительно обернулся.

— Лучше всего — за границей. У нее есть открытая шенгенская виза?

— Французская, на три года.

— Вот и хорошо, теперь будем думать, как лучше сделать.

— Не нужно было ей убежать, — Вячеслав Алексеевич опустил голову. — Каюсь, ошибся... Дала бы показания в полиции, и все бы разрешилось само собой.

— Ничего бы не разрешилось. Вы все правильно сделали. По крайней мере, у нас теперь есть время, чтобы подумать.

Дверь отворилась, и в комнату вбежал Тишотка, за ним шла Дайнека. Она протянула автомобильный регистратор Сергею. Тот забрал его, огляделся, потом сообщил:

— Я в библиотеку, — и вышел.

Вячеслав Алексеевич сел и похлопал рукой по дивану:

— Присядь-ка...

Дайнека устроилась рядом.

— Тебе нужно уехать, — сказал он.

— Куда?

— Скорее всего, за рубеж.

— Нашей родины? — улыбнулась Дайнека.

— Где твой загранпаспорт?

— В сумке. Ты знаешь, я всегда ношу документы с собой.

— Хорошая привычка.

— А что это меняет? Все равно ехать домой за вещами.

— Видишь ли, — отец погладил ее по голове, — тебе сейчас нельзя ехать домой. Это опасно. Все, что нужно, купишь в дороге. Карточкой и наличными я тебя обеспечу.

— Думаешь, меня уже ищут?

Вячеслав Алексеевич ограничился небольшим замечанием:

— Ты умная девочка, уверен — все сама понимаешь.

— Как же, умная... — проговорила Дайнека, уставившись в одну точку, потом перевела взгляд на отца. — Всю жизнь во что-то влипаю!

Он обнял ее за плечи, прижал к себе и сказал, словно обещая защиту:

— Все образуется.

Сергей Вешкин появился внезапно. Взглянув на его встревоженное лицо, Вячеслав Алексеевич спросил:

— Что такое?

— Новости.

— Говори!

— Машина принадлежит помощнику депутата.

— Тебе позвонили?

— Было в новостях.

— Сам видел?

Вешкин показал свой телефон:

— В Интернете появилось, десять минут назад.

— Известно имя убитого?

— Назаров.

Подумав, Вячеслав Алексеевич сказал:

— Не знаю, не слышал.

— А если так: Вангелис Грек?

— Так это же вор в законе.

— Известный преступник, контролировал половину Москвы.

— Плохие новости, — проговорил Вячеслав Алексеевич.

— Напротив — хорошие. — Вешкин улыбнулся странной улыбкой.

— Ты шутишь, Сережа? Или издеваешься?

— Простите, Вячеслав Алексеевич, это я к слову. Случайно в Интернете попало: Вангелис в переводе с греческого — хорошие новости. Простите великодушно. — Преодолев смущение, Вешкин заговорил строго, по-деловому: — Я посмотрел видеозапись с регистратора. Если бы мне показал ее кто-то другой, я бы подумал,

что Людмила — опытный и наглый преступник. И что она преднамеренно отсекала джип «Кадиллак» от объекта охраны. — Он посмотрел на Дайнеку. — Уверен, тебя уже поджидают у дома.

— Но как же так.. — пролепетала она.

Сергей поднял руку, призывая к спокойствию:

— Женщина из кабриолета уехала на скутере, а значит — ищи ветра в поле. Сам кабриолет, я уверен, с фальшивыми номерами, скорее всего, был угнан. Теперь полиция или бандиты проследят весь его путь от места преступления до торгового центра...

— Как? — мрачно поинтересовался Вячеслав Алексеевич.

— По уличным камерам наблюдения. И когда они увидят на записи с подземной парковки вашу дочь рядом с убийцей, — искать ее будут и те и другие. Полиция и охрана убитого будут искать потому, что она знает убийцу. Сообщники убийцы — по той же причине, но с другой целью: чтобы устранить ненужного свидетеля. — Вешкин раскинул руки и холодно улыбнулся. — Вот такой расклад.

— Ждать нельзя! — Вячеслав Алексеевич решительно поднялся с дивана. — Людмила должна уехать немедленно!

— Мы уже говорили об этом, — без особого энтузиазма сказала Дайнека.

— Но поедешь ты не одна.

Сергей Вешкин искренне удивился:

— А с кем?

— С тобой. — Вячеслав Алексеевич заговорил несколько мягче: — Ты ведь понимаешь, что я не могу отпустить дочь одну?

— Да, это разумно.

— Твой загранпаспорт?

— В сейфе.

— Звони Владу Пилевскому, пусть привезет его сюда, да скажи — побыстрее.

— А как быть с работой? — спросил Сергей Вешкин.

— Об этом не беспокойся. Это я беру на себя. Теперь твоя работа — быть рядом с Людмилой.

— Понял.

— Ну а пока вас не будет, я разберусь с ситуацией. Надеюсь, у меня хватит знакомых и связей.

После этих слов все дружно обернулись на дверь, ведущую в кухню, откуда со смиренным видом выплыла румяная Серафима Петровна. На ее плече лежала белая скатерть, в руках она держала поднос с пирогами. Было очевидно, что все это время старуха подслушивала под дверь и ждала своего часа. Расстелив скатерть, она поставила на стол пироги и сказала:

— Кушайте на здоровье. Сейчас принесу чай.

В ту же минуту с лестницы послышались быстрые шаги. В гостиной появилась Настя, цапнула с подноса пирог и плюхнулась в кресло. Прожевав кусок пирога, она буквально просканировала Вячеслава Алексеевича большими голубыми глазами:

— Славик, а что это вы тут собрались? У нас что-то случилось?

Вячеслав Алексеевич отвернулся и, глядя в окно, проронил:

— Нет, ничего.

— Не ври. — Настя перевела взгляд на Дайнеку и проговорила, чеканя слова: — Я все про вас знаю.

ГЛАВА 3

НЕМНОГО ПРО НАСТЮ

Три минуты назад, когда Настя лежала в постели и листала дамский журнал, у нее зазвонил телефон. Взглянув на экран, она недовольно скривила лицо — с чего это мать решила ей позвонить? — и ответила в своей обычной манере:

— Ну что еще?

— Немедленно спускайся в гостиную! — злобещим шепотом «просвистела» Серафима Петровна.

— Это еще зачем?

— Спускайся, тебе говорю! Иначе все на свете профукаешь! — Слово «иначе» Серафима Петровна произносила с ударением на первую букву.

— Где ты сейчас?

— На кухне...

— А подняться на второй этаж не судьба?

— Цыц, тебе говорю! Людмила к нам заявила.

— Ну и что?

— Вячеслав Алексеевич отправляет ее за границу.

— Зачем?

— Сказал: покупай все что хочешь, дам тебе карточку. — Старуха повысила голос: — И наличных!

— Быть такого не может! — Настя бросила журнал и вскочила с кровати.

— Вниз спускайся, дурында!

Схватив платье, Настя натянула его на себя, метнулась к двери, вскользь посмотрела в зеркало и вдруг задержалась. Врожденная аккуратность и любовь к собственной внешности заставили ее уделить время косметике.

По отцу Настя была немкой, что являлось предметом особенной гордости и повсюду предъявлялось так, словно подтверждало ее исключительность. Однако, прежде чем обрести собственный дом, достаток и богатого мужа, ей и Серафиме Петровне пришлось многое пережить¹.

Большую часть жизни они провели в маленьком городке на Волге. Глава семьи Николай Иванович Грэмб был поволжским немцем, одним из тех, кто уже ни языка, ни предков своих не знал. Но как только появилась возможность, вслед за уехавшим братом, он засобирился в Германию. Судьбоносное решение принималось по настоянию и под руководством Серафимы Петровны, которая казалась большей немкой, чем ее муж.

Оформление документов затягивалось. Поддавшись чехомоданному настроению, Серафима Петровна решила перебраться в Москву — поближе к долгожданному Дойчланду. В арендованной столичной квартире, где временно обосновалась их семья, проснувшись как-то утром, Николай Иванович закурил последнюю папиросу и упал замертво.

Все планы семейства Грэмб были разрушены. Они никуда не ехали, поскольку сама Серафима Петровна не могла претендовать на обретение новой родины, а отпустить дочь одну несостоявшаяся фрау Грэмб категорически отказалась.

На деньги, которые должны были поддержать экономику Германии, Серафима Петровна купила комна-

¹ Подробнее в романе: Князева А. Сейф за картиной Коровина. М.: Эксмо, 2013.

ту в коммуналке. Комната была хоть и большой, но на первом этаже старого дома и в захолустном районе Москвы. Одна из стен соседствовала с мусоропроводом, потому ее постоянными жильцами, помимо Серафимы Петровны и Насти, были откормленные на дармовщине крысы. По ночам было слышно, как они возились под сухой штукатуркой или бессовестно перебегали по полу к дыре, ведущей на кухню.

В квартире кроме Серафимы Петровны с дочерью обитали еще три семьи. Одной из них была «чистоплотная семья из Таджикистана». В общем коридоре целыми днями бегала орава детей — примерно одного роста, возраста и одной национальности. В нагрузку к ним прилагались мама Лола и папа Фарид. Вся эта большая семья ютилась в одной комнате.

Рассматривая данные обстоятельства в совокупности, можно было предположить, что у Серафимы Петровны опустятся руки, но подобный расклад был не по ней. Крушение надежд на переселение в Германию Серафима Петровна перенесла героически. Она хорошо усвоила уроки, которые преподавала действительность, и знала, что успех всего предприятия зависит от умения влиться в хоровод жизни, по возможности попадая в такт. И если ты, случайно или намеренно, вдруг отдавишь чужие ноги, твое собственное пространство значительно расширяется.

Серафима Петровна цепко взялась за дело, и постепенно все обустроилось. Сначала из коридора исчезли дети — они вместе с мамой Лолой и папой Фаридом отбыли на историческую родину в Таджикистан. Каким-то необъяснимым образом выяснилось, что все члены семьи проживали в Москве без соответствующего оформления документов.

Прощаясь с отъезжающими, Серафима Петровна печально повторяла:

— Нам так будет вас не хватать.

Крысы, выходившие на водопой по ночам, тоже исчезли. Им трудно было противостоять напору Серафимы Петровны. В комнате появилась недорогая добротная мебель, дочь поступила в училище — жизнь продолжалась. И только Настя не могла свыкнуться со своим новым статусом и жизнью в коммунальной квартире. У нее не было привычки ждать по утрам, пока освободятся туалет или ванная. Ее буквально разрывало от злости, когда она хотела пожарить картошку, а на кухне не было свободной конфорки. На плаву Настю держало только одно: вера, что в Москве отыщется теплое местечко и для нее. Она искренне верила в везение и никогда ни от чего не отрекалась.

И вот однажды, когда Настя отдыхала на базе отдыха в Подмосковье, ей встретился Славик — Вячеслав Алексеевич Дайнека. Он был староват, но за неимением лучшего она умела ценить то небольшое, что перепадало от жизни.

В первый день знакомства они просто гуляли. На второй — Вячеслав Алексеевич пригласил ее в свой номер люкс. Визит туда сыграл решающую роль в их отношениях. Оглядев роскошные апартаменты, Настя была готова на все, но «непристойного» предложения так и не последовало.

По возвращении домой она обо всем рассказала матери.

— У вас что-то было? — спросила Серафима Петровна

— Нет.

— Молодец, с этим не торопись.

— Да я не очень-то и старалась. Просто он не просил, — призналась Настя.

Серафима Петровна не могла позволить дочери упустить богатого жениха.

— Он хоть и не первый сорт, староват. Но уж какой есть, и его нельзя потерять. Не будь душой.

— Что же мне делать?

— Будь похитрей.

И Настя «схитрила» — не испытывая никаких чувств к «Славику», она все же влезла в его постель. Будучи порядочным человеком, Вячеслав Алексеевич пришел знакомиться к Настинной матери и привел с собой дочь.

Они сидели в коммунальной комнате за столом, накрытым льняной скатертью и уставленным угощением. Настя и Серафима Петровна нахваливали свою стряпню и постоянно смеялись. Дайнека с отцом ели, слушали и молчали.

— Я всегда говорю Настене, учи немецкий язык, — с достоинством рассуждала Серафима Петровна. — Я ей говорю: зитцен, пусть привыкает. Или, например, шпрехен, говорю я ей...

По-видимому, их уроки немецкого языка так и проходили. Серафиму Петровну вовсе не смущал тот факт, что сама она немецкого языка не знала. Ей мечталось, что когда-нибудь с помощью этого немолодого человека, сидящего за ее столом, они вместе с дочерью обустроят свою жизнь подобающим образом. Все так и случилось: Настя сделалась женой Вячеслава Алексеевича и хозяйкой его дома.

* * *

Коричневая стрелка подводки легла ровно, подчеркивая выпуклость больших голубых глаз. Настя взяла помаду и провела ею по губам. Оглядела себя внима-

тельно — все было в порядке — и направилась к лестнице. Спустившись по ступеням, вошла в гостиную, взяла со стола пирог и устроилась в кресле. Прожевав кусок, спросила у мужа:

— Славик, а что это вы тут собрались? У нас что-то случилось?

Тот ответил:

— Нет, ничего.

— Не ври, — она перевела взгляд на Дайнеку. — Я все про вас знаю.

Взглянув на жену с удивлением, Вячеслав Алексеевич сдержанно проронил:

— Что именно?..

Прежде чем ответить, Настя откусила кусок пирога. Не дожидаясь, пока она прожует, Вячеслав Алексеевич подошел к ней, отнял пирог и с нажимом повторил свой вопрос:

— Так что же тебе известно?

Настя кивнула на Дайнеку:

— Она едет за границу с твоей золотой картой. Мне ты ее никогда не давал!

— Я давал тебе деньги, — напомнил Вячеслав Алексеевич и, словно извиняясь, посмотрел на Дайнеку.

Нужно ли говорить, что в душе Дайнеки разразилась целая буря. Она не могла уразуметь, почему такой тонкий, умный и порядочный человек должен оправдываться и заискивать перед этой краснощекой девицей. Кажется, не будь отца здесь, Дайнека вlepила бы Насте пощечину.

Но в это мгновение Настя заплакала, да не просто заплакала, а буквально завывала. Из кухни прибежала Серафима Петровна и кинулась к дочери:

— Что такое?! Детонька моя золотая. Кто тебя? Скажи... Кто обидел?

Из Настиного рта вырвался прерывистый стон:

— Никыкато-о-о-о!

Серафима Петровна перевела взгляд на Вячеслава Алексеевича, тот отошел и остановился возле Дайнеки. Общая мизансцена была такова: в комнате расположились два враждующих лагеря. И только Сергей Вешкин ни к кому не примкнул.

Просморкавшись, Настя потребовала:

— Мама, принеси корвалолу.

— Лучше валерьянки. — Уходя, Серафима Петровна посмотрела на зятя таким взглядом, каким смотрит мать на сына, не оправдавшего ее заветных надежд.

Вячеслав Алексеевич покраснел, но тут же взял себя в руки: он слишком хорошо знал жену и тещу, чтобы поддаваться на провокации.

— Зачем нужен этот спектакль?

— Ты черствый, холодный, расчетливый человек, — всхлипнула Настя. Забрав стакан из рук Серафимы Петровны, она выпила валерьянку и, передохнув, чуть слышно добавила: — Тебе все равно, какие у меня чувства.

— Общие фразы, — заметил Вячеслав Алексеевич. — Не стоит продолжать этот разговор в присутствии посторонних.

Однако у Насти отыскался неоднозначный ответ:

— Людмила — не посторонняя.

— Вот как? — усмехнулся Вячеслав Алексеевич. — Тогда как быть с Сергеем? Не усыновить ли нам и его?

Вопрос задел Настю за живое, напомнив, что за несколько лет супружества у нее не получилось забеременеть и родить мужу ребенка.

Остальные не придали этому никакого значения.

Вопреки обстоятельствам и логичному течению разговора, Настя вдруг заявила:

— Я тоже хочу поехать!

Такая смена образа отнюдь не подогрела драматургию скандала. Мгновенно сориентировавшись, Серафима Петровна схватила диванную подушку и сунула ее под голову дочери:

— Откинься, милая, тебе станет легче, — и выразительно посмотрела на Вячеслава Алексеевича.

Однако Настя не только не поддержала продуманный ход матери, но и вовсе смазала впечатление:

— Я еду с Людмилой!

— Куда? — поинтересовался Вячеслав Алексеевич.

— За границу!

— Ты даже не знаешь, куда именно едет Людмила. А у нее, кстати, серьезные основания. Ей крайне нужно уехать.

— Мне тоже нужно уехать, — сказала Настя.

Не сдержавшись, Дайнека встряла в их разговор:

— Тоже — крайне?

Не уловив издевки, Настя ответила:

— Мне нужно развеяться.

— Я повторяю. — Вячеслав Алексеевич повысил голос ровно настолько, чтобы его доводы могли убедить жену. — У Людмилы серьезные неприятности, ей необходимо исчезнуть. Кроме того, она едет не одна.

— А с кем? — Настя взглянула на Вешкина. — Неужели с тобой?

Тот благоразумно промолчал, вместо него ответил Вячеслав Алексеевич:

— Они поедут вдвоем на машине Сергея.

— Почему на машине? — удивилась Дайнека.

— Неужели не ясно... — Отец устало прикрыл глаза. — Тебе нужно исчезнуть. — Для пущей ясности он повторил по слогам: — Ис-чез-нуть. А это значит, что ни о каких билетах, вокзалах или аэропортах речь не идет. И, кстати, — Вячеслав Алексеевич обернулся к Сергею, — как насчет твоего загранпаспорта?

— Пилевский уже подъехал, — ответил Вешкин и вышел на веранду, прикрыв за собой дверь.

Его уход несколько упростил ситуацию, сделав ее сугубо семейной.

— Ты должна понять... — заговорил Вячеслав Алексеевич, адресуя свои слова жене, но дочь прервала его:

— Пускай она едет.

— Что?

Дайнека повторила:

— Пусть Настя поедет с нами.

Такое заявление было выстраданным и явилось результатом серьезной внутренней работы. Наблюдая за тем, как умело действует Серафима Петровна и буйствует Настя, Дайнека решила, что отец достаточно противостоял этим двоим, пришло время вступить в игру. В конце концов, ей было плевать, что Настя поболтается пару недель на заднем сиденье автомобиля. У Дайнеки был опыт совместных путешествий с этой особой — надолго ее не хватит. Она обязательно останется в каком-нибудь городке, «замутив» очередную «любовь». И это не было соглашением с пороками мачехи. Отец и сам обо всем догадывался, но почему-то с этим мирился.

— Ну если так... — Вячеслав Алексеевич облегченно вздохнул и посмотрел на жену. — Тогда — собирайся.

Мгновенно оценив ситуацию, Серафима Петровна выдернула из-под Настиной головы подушку, энергично взбила ее и бросила на диван.

— Идем, помогу собраться!

В комнате появился Вешкин:

— Паспорт — у меня. Когда выезжаем?

— Думаю, через час, — ответил Вячеслав Алексеевич.

— Через два. — Настя поднялась с кресла и не спеша направилась к лестнице. — Быстрее мне не собраться.

Сергей Вешкин удивленно посмотрел на патрона. Перехватив его взгляд, Вячеслав Алексеевич строго сказал:

— Ровно через час. Кто не успеет — останется дома.

ГЛАВА 4

ЗА КОРДОН

Дайнека смотрела на дорогу и думала о том, что впервые в жизни она ехала неизвестно куда. Еще на даче, обсуждая маршрут с отцом, они так ни на чем и не остановились.

— И это хорошо, — сказал Вячеслав Алексеевич. — Непредсказуемость — лучшее, что может быть в такой ситуации.

Перед отъездом отец приказал:

— Мне не звонить. Лучше — отключить телефоны.

— Мы так не договаривались! — обиделась Настя.

— Ничего, — заверил ее Вячеслав Алексеевич. — Пару недель потерпишь. Сама напросилась, так что — смирись.

— Я не понимаю!

— Не нужно ничего понимать. Мы с Сергеем договорились. Я сам свяжусь с вами, когда будет возможность.

Настя не унималась:

— Но матери я могу позвонить?

— Пока воздержись.

Прощание с Тишоткой было тяжелым. Смекнув, что Дайнека уезжает, он несколько раз запрыгивал в салон автомобиля. В конце концов его пришлось запереть. Не выдержав жалобного поскуливания, Дайнека пришла к нему, серьезно поговорила и пообещала вскоре вернуться. Спокойный голос хозяйки, ее ласки, а также котлета, которую вовремя подсунула Серафима Петровна, смягчили горечь расставания.

* * *

Стемнело. Дорога, по которой они ехали, ничем не отличалась от прочих: редкие перелески, мосты, рабочие поселки и жалкие деревеньки. Автомобиль миновал съезд на Смоленск и на хорошей скорости устремился к границе с Белоруссией.

За всю дорогу Дайнека произнесла лишь несколько слов. В салоне звучала музыка, каждый думал о своем, и всех это устраивало.

Прикрыв глаза, Дайнека припомнила свою самую первую встречу с Джамилем. В те уже далекие дни ее девичьи мечты о любви материализовались в образе светловолосого сероглазого парня. Непривычное для русского человека имя — Джамиль — досталось ему от родителей, в честь друга семьи. Теперь Дайнека даже не представляла, что у ее любви могло быть другое имя.

Жив ли он? Помнит ли о ней? Дайнека не знала, но воспоминания и мысли о любимом неотступно преследовали ее и помогали жить.

В первые месяцы после исчезновения Джамиля¹ она убеждала себя, что рано или поздно он придет или напишет. Но он не приходил и не писал.

Прислушиваясь к шагам за дверью квартиры, она всякий раз умирала, когда они удалялись. И каждый телефонный звонок был очередным приговором, если звонил не Джамиль. А он не звонил никогда.

У Дайнеки появилась трудная и выматывающая работа, она заключалась только в одном: ждать вопреки всему. Джамиль не снился ей, хотя она страстно желала этого. Сжимая в руке сапфировое сердце, брелок, который подарил ей Джамиль, она каждый вечер восстанавливала в памяти черты любимого лица.

Дайнека продолжала любить, и ни один мужчина не выдерживал сравнения с ним. Джамиль оставался единственным, и она ждала его и надеялась. И эта надежда была единственным, что осталось от самого красивого и любимого человека.

Воспоминания нахлынули с такой силой, что у нее закружилась голова.

— Ты жив, — прошептала Дайнека. — Я верю, что ты жив.

— Что? — Сергей Вешкин повернул голову и снова спросил: — Что ты сказала?

— Ничего. — Она взглянула на часы. — Где будем ночевать?

— Скоро граница с Белоруссией. Еще триста километров, и мы на территории Евросоюза.

— Значит, ночуем в Литве?

— Или в Латвии. В любом случае это будет только под утро.

¹ Подробнее в романе: *Князева А. Подвеска Кончиты*. М.: Эксмо, 2014.

— А? Что?! — Подавшись вперед, Настя посмотрела сначала на Сергея, потом на Дайнеку. — Про что вы говорите? Я хочу есть!

Сергей Вешкин тоже посмотрел на часы.

— Перекусим где-нибудь на подъезде к Витебску. — Он помолчал и буркнул себе под нос, чтобы не слышала Настя: — Если встретится ночное кафе.

Границу с Белоруссией пересекли спокойно, без особых затрат времени: предъявив паспорта и не заполняя миграционных карт. Широкая освещенная дорога отличалась ухоженностью придорожной полосы и тем, что по ней гладко ехалось. Общее впечатление складывалось из множества приятных моментов: яркие домики, засеянные поля, аккуратные ограды сельских подворий, фонари и опрятное кафе, в которое они заехали, чтобы перекусить и выпить по чашечке чая. Вышло совсем недорого, правда, сначала пришлось найти обменный пункт, чтобы поменять рубли на белорусские деньги. Конечно, за столом не обошлось без национального блюда — традиционных драников. Дайнека съела две порции и решила заказать еще две — в дорогу. Вешкин, усмехнувшись, заметил:

— Такая маленькая... Куда влезают столько еды?

Его слова несколько не задели Дайнеку, она подняла руку и окликнула подавальщицу:

— Девушка! Еще две порции драников, и упакуйте с собой!

Но тут вклинилась Настя:

— Четыре!

— Что? — переспросила Дайнека.

— Пусть упакует четыре.

— Четыре, пожалуйста!

— Чего уж там. — Сергей не без сожаления доел свой последний. — Шесть порций драников бери. Не ошибься. Когда еще придется поесть!

Дайнека уточнила заказ:

— Упакуйте шесть.

Следующие двести пятьдесят километров по хорошей освещенной дороге промелькнули незамеченными. Латвийская таможня возле Патерниеки дала о себе знать заранее двумя длинными хвостами автомобилей, один из которых состоял из легковушек, другой — из большегрузных фур. Заняв очередь, они прождали около четырех часов, прежде чем подоברались к пропускному пункту. Тогда и вспомнились анекдоты о прибалтийской неторопливости. Иной сотрудник, уйдя в офис с каким-нибудь документом, задерживался так долго, что за это время можно было помыться.

Чувство облегчения, и даже свободы, ощутили все трое, когда им наконец удалось прорваться через этот кордон. Что касается Дайнеки, то, кажется, предложи ей еще раз пройти подобную процедуру, она бы повернула назад.

Но именно в тот момент у нее появилось уже знакомое предчувствие предстоящего приключения.

Уже под утро они въехали в латвийский город Даугавпилс, проследовали по старинным улочкам, мимо невероятной красоты озера, мимо дамбы.

Через несколько километров была условная граница с Литвой, узкие лесные дороги и одноэтажный Зарасай, где на каждом углу предлагался ночлег и пансион в частном доме. В один такой дом они постучались, заспанный хозяин открыл ворота, и, когда Вешкин загнал машину во двор, он проводил их в ту часть дома, кото-

рая была отведена постояльцам. Оглядев скромную обстановку, Настя сказала:

— Вы как хотите, а я поеду в отель.

У Дайнеки не было сил спорить. Она кивнула и рухнула на кровать.

Хозяин выжидательно посмотрел на Сергея:

— Та-а-ак фы астайотесь?

— Остаемся.

Уплатив запрошенную сумму, эквивалентную всего тысяче рублей, и закрыв дверь за хозяином, Вешкин удалился в соседнюю комнату.

Потоптавшись, Настя все же осталась, но, перед тем как заснуть, вошла в Дайнекину сумку и стащила пятьсот евро. Присовокупив их к тем десяти тысячам, что дал ей муж, она умиротворенно заснула.

ГЛАВА 5

КАК НА РОДНОГО БРАТА

Спустя несколько часов после того, как прогремели выстрелы на Большой Грузинской, в одной московской квартире зазвонил телефон. Трубку взял высокий молодой мужчина:

— Да.

— Я от Курамшина.

Услышав имя известного человека, мужчина удивился, но виду не подал:

— Что ему нужно?

— Встретиться.

— И?

— Поговорить. Конфиденциально.

— Я не смогу, — ответил мужчина и уже собрался положить телефонную трубку, но звонивший воскликнул:

— Подождите! — Он заговорил более доверительно: — Возможно, его предложение покажется вам интересным.

— Это вряд ли. И кстати... Откуда у вас мой телефон?

— Мир не без добрых людей.

— Вот-вот, — усмехнулся хозяин квартиры. — К вопросу о конфиденциальности.

— Курамшин — человек слова, вы можете на него положиться, как на родного брата.

Такое заверение не только не успокоило высокого молодого мужчину, а напротив — усилило тревожные ожидания. Виктор Николаевич Курамшин, о котором шла речь, собственноручно пристрелил своего брата, но поскольку все произошло на охоте, судья посчитал роковой выстрел случайностью. Конечно же, дело не обошлось без дорогих адвокатов.

И все-таки он ответил:

— Я приеду.

Но даже на следующий день, когда молодой человек явился в маленький особняк в центре Москвы, у него не было уверенности в правильности такого решения.

Из динамика двери слышался голос:

— Проходите.

Он вошел в помещение, встал в центре и снял пиджак. Тот же голос приказал:

— Повернитесь.

И он повернулся на месте вокруг себя.

— Брюки...

Ему пришлось задрать обе штанины.

— Можете надеть свой пиджак.

Щелкнул электрический замок, и перед ним распахнулась дверь. Надев пиджак, молодой человек прошел дальше.

В следующей комнате его ждала девушка-секретарша. Безучастная ко всему сущему, она вывела гостя в коридор, и они зашагали шаг в шаг мимо дверей, из которых никто не выходил.

В его голове промелькнуло: «Еще не поздно уйти...»

Осталось несколько секунд, после которых дороги назад не будет.

«Теперь поздно».

Перед ним открылись высокие двустворчатые двери, и он вошел в кабинет, где на приличном удалении от входа стоял полированный стол. Сидевший за ним старик поднял голову.

— Иди сюда. Смелее, я не кусаюсь. Садись рядом со мной. — Проговорив эти слова, старик надолго закашлялся, взял со стола прозрачную силиконовую маску и приложил к лицу. Знаком дал понять: подождите. Тяжелыми, короткими вдохами Курамшин втягивал в себя живительный газ, который поступал в маску по резиновой трубке.

Когда старик отложил маску, молодой человек подошел и опустился на стул.

— Беда у меня, — сказал Курамшин. — Друга убили.

— Смотрел вчера новости.

— И, главное, кто стрелял... — Курамшин осуждающе покачал головой. — Баба стреляла...

— Уже известно, кто такая?

— Не-е-ет... — Старик огорченно махнул рукой. — Где там! Ехала на левой машине.

— Уверен, ее найдут.

— Мне бы твою уверенность. — В глазах Курамшина мелькнула усмешка. — Охранники дружочка моего хоть и дуболомы, а все же вычислили двоих сообщников. Один из них шофер на «Газели» — им уже занимаются. Вторая — девчонка из автомобиля — сопровождала кабриолет. Я покажу тебе запись, где она стоит рядом с убийцей.

— Мне это ни к чему.

— А ты не спеши...

— Ну хорошо.

— Следаки уже подтвердили, что эти двое точно знакомы.

— Кто эти двое?

— Баба-убийца и девчонка, которая, как я говорил, ее сопровождала.

— Где она теперь?

— Та, что стреляла? — Старик помрачнел. — Умчалась на мотоцикле.

— Об этом говорили по телевизору.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я про ту, про вторую.

— Бросила машину и убежала.

— Машина тоже ворованная?

— В том-то и дело, что — нет. Ее собственная.

— Зачем же она сбежала?

Курамшин пожал плечами:

— Не знаю.

— Ее легко вычислить по машине.

— Возможно, в какой-то момент что-то пошло не так. — Старик придвинул конверт. — Все данные на нее — здесь.

— При чем тут я?

Курамшин удивленно привстал и снова сел на свое место.

— Что за вопрос? — Он снова закашлялся и схватился за дыхательную маску. Через минуту продолжил: — Во-первых, я многое о тебе знаю. Во-вторых — открой конверт и сам посмотри.

Молодой человек открыл конверт и взглянул на бумаги:

— Но ведь это же...

— Теперь понял? — Вопрос Курамшина означал только одно: он констатировал свершившийся факт как его согласие.

Молодой человек спросил:

— Что нужно от меня?

— Найти ее.

— Потом?

— Пусть назовет имя убийцы.

— Ну предположим...

— Не забывайся. — Курамшин недовольно поморщился. — Тебя сюда позвали не для того, чтобы ты сомневался. После того как назовет имя убийцы, а лучше имя заказчика, сделай так, чтобы ее никто не нашел. Главное, не опоздай.

— В каком смысле?

— Сделай все, чтобы ее не нашли раньше тебя.

— Полиция?

— Хозяева. Те, кто ее послал.

— Ненужный свидетель. Понимаю. — Молодой человек еще раз просмотрел бумаги. — Не думаю, что она сидит у себя дома.

— И я тебе больше скажу — в городе ее уже нет. Билетов на ее имя не продавали: ни в самолет, ни на поезд.

Как видно, уехала на машине. — Курамшин протянул руку и постучал узловатым пальцем по документам. — В Москве остался только отец. На него время не трать. Им будут заниматься другие. Там, на синем листочке, есть номерок: по нему раз в день ты должен звонить и получать свежую информацию. — Он откинулся на спинку и, задыхаясь, сказал: — Ну давай...

— Что?

— Звони.

— Сейчас?

— При мне позвони.

Молодой человек достал свой телефон и набрал номер, записанный на синем листке.

— Алло... — после чего замолчал.

Когда он дал отбой, старик спросил:

— Ну что?

— Этой ночью она перешла через таможенный пункт Патерниеки на территорию Латвии.

— Есть номер автомобиля?

— Есть. — Молодой человек перешел к делу. — Что у нас по деньгам?

Курамшин швырнул ему ручку:

— Сам напиши.

Записав на конверте сумму, он показал ее старику. Тот, соглашаясь, кивнул:

— Половину — сейчас, вторую половину получишь, когда все закончишь.

Молодой человек энергично потер руки. Раздался странный звук, как будто он крутил в ладонях какую-то трубку.

— Договорились.

Не замечая протянутой руки, старик прижал к лицу маску и тяжело задышал.